

Чэнли дал утвердительный ответ, поэтому Ань Зуй знал, что этот вопрос не так прост, как он думал.

Судя по всем уликам, вдовствующая императрица могла быть легко догадана.

Однако, по словам Ань Чэнли, в то время все присутствовали, так что это не Чэнь Шаобай убил Санг Хайцзин.

Когда он возвращался, страшная мысль внезапно пришла ему в голову, заставляя его содрогнуться от страха.

Когда старый чиновник Чжугэ Янь умер, люди стали подозревать вдовствующую императрицу.

Хао Пин умер мирно. Люди подозревали вдовствующую императрицу. Теперь, когда умер президент Военной академии Санг Хай, люди все еще привыкли подозревать вдовствующую императрицу.

Ань Цзунли вспомнил, что сказал Ань Чэнли, и вдруг нашел ключевой момент... Ань Чэнли сказал, что все люди, которых он видел на поверхности, были там, но охранники в темноте не знали об этом.

Это было напоминанием?

Да, Ан Чэнли напомнил себе, что вдовствующая императрица все еще обладает скрытой силой.

К тому времени, как он вернулся в Секту Небесного Просвещения, там уже было темно. Количество людей на улице, которые смотрели на него, немного уменьшилось.

Один из Зайюэ знал, что в тени этой улицы за ним еще кто-то наблюдает, наблюдая за каждым движением в Секте Небесного Просвещения.

В глазах посторонних секта была скрытной и неглубокой. Это было противоречивое явление, поэтому оно вызывало любопытство у многих людей.

В Секте Небесного Вознесения были сотни внушительных людей, и многие догадывались, что среди них было много знатоков.

Тем не менее, Сектантский Магистр был молодым человеком, который спорил в течение длительного времени, так что ему, кажется, нечего бояться.

Это было противоречие. Какое право имел Чжэ быть Сект-лидером?

По правде говоря, это была именно та атмосфера, которую Зайюэ специально создал, заставляя людей подозревать это. Вот почему они не смогли определить истинную силу Секты Небесного Вознесения.

На самом деле, когда дело дошло до культиваторов, только Зайюэ и другие имели любую поддержку.

И было очевидно неправильно говорить, что у него не было никакого прошлого.

В Секте Небесного Просвещения был Ветхий Хуо, который был мастером-художником.

Хорошая кошка - это Глаз Реинкарнации Девяти Революций.

Также было несколько божественных артефактов фиолетового цвета, способных тронуть сердца любого, кто стоял на вершине мировых культиваторов.

Ку Люкси сидел у входа и общался со стариной Хуо. Она ждала возвращения Ань Зоу.

В последние годы она привыкла ждать возвращения Ань Цзэна перед сном, хотя и не умела сказать ни слова, и не собиралась сообщать Ань Цзэну, что ждёт его.

На другой стороне тренировочного поля Гу Цяньё, который сидел на стене и качал ногами, увидел, как фигура Ань Чжоу вошла в комнату. Он спрыгнул со стены, положил руки за спину и случайно вернулся в свою комнату.

Затем, как обычно, он выкопал яму в одеяле и подушке на кровати и похоронил себя в ней.

Ку Люкси, с другой стороны, был другим. Когда она возвращалась в свою комнату, она тихо читала книгу и читала свою любимую медицинскую книгу.

Ожидая мертвых ночью, она все равно входила в Небеса, чтобы очистить таблетки.

У нее не было учителя, ее медицинские навыки давно превзошли сумасшедшего Ци, она могла рассчитывать только на себя, чтобы найти все, что у нее было.

По правде говоря, Секта Небесного Просвещения сама по себе была странным существованием, совершенно неуместным в этом мире.

В глазах нормального человека, кто были те, кому не нужно было тратить много времени на выращивание, чтобы достичь чего-то?

Конечно, всё это было связано с их прославленным семейным прошлым. У них было сильное происхождение, и семья могла подготовить все для них.

Это включало в себя технологии выращивания, а также таблетки.

Каждый человек в Секте Небесного Просвещения рождался в плачевном состоянии, но и они казались очень случайными. Это то, что для них создал Зайюэ.

Зенг сидел у окна и смотрел на светлую луну. Его брови были слегка вязаны.

В глазах он увидел доброе и доброе лицо Санг Хайцзина, красивое лицо Сан Ру и красивое, но непроницаемое лицо Чэнь Шаобай.

Чэнли более или менее напоминал ей о том, что человек, убивший Санхайскую Сутру, может быть вдовствующей императрицей.

По крайней мере, это не Чен Шаобай, не так ли?

Однако, Чэнли недооценил Ан Зайюэ. Конечно, он не знал, что Ань Чжэ когда-то был главой мира Великих Си, и был лучшим в раскрытии дел.

Чэнли совершил две ошибки. Первая - напомнить вдовствующему императрице о ее скрытой силе, а вторая - упомянуть слова императорской гвардии... Была ли необходимость упоминать об этом?

Конечно, нет, он сказал, потому что считал это необходимым.

Он хотел сказать Зайюэ, что Чен Шаобай, чиновник, отвечающий за императорскую гвардию, был там и что это не он убил их.

Чен Шаобай был одним из людей вдовствующей императрицы, главой императорской гвардии парчового дворца. Он определенно был тем, кому императрица вдовствующая очень доверяла.

Но почему Чэнь Шаобай защищал Чэнь Шаобай?

Снаружи было поздно ночью. Зайхай покинул свою комнату и вылез из стены, как призрак.

Его тело идеально вписалось в ночь, и никто не смог обнаружить его присутствия.

В маленьком переулке двое людей приседали и шептались.

Они были одним из тайных часовых, которые следили за Сектой Небесного Вознесения. Откуда они пришли, было неизвестно.

Зайхай и Тан Вулин спокойно двигались позади них, стояли прямо за ними. Никто из них не почувствовал этого.

"Интересно, когда дело будет закончено".

Один из них сказал низким голосом: "Почему ты всегда смотришь на этот захудалый двор?" Уже пора забирать нас обратно."

Другой вздохнул: "Кто сказал нам быть из бедной семьи?" Конечно, я возьму на себя всю тяжелую работу."

Чжэ ударил сзади, ладонь за ладонью, сбивая двух без сознания.

Затем он согнулся и на мгновение покопался в них двоих, но ничего не нашел.

Вскоре после этого, An Zui появился позади другого скрытого часового, и тот же трюк сбил человека без сознания.

Он обыскал их на мгновение, но ничего не нашел.

Когда четвертого часового положили, он, наконец, нашел то, что искал.

Четвертый часовой был единственным, кто мог почувствовать конфликт. Он повернулся и попытался сопротивляться нападению.

Зенг нашел тарелку этого человека и сравнил ее со своей. Она была почти точно такой же.

Однако на доске были выгравированы слова "Вермиллион птиц", а на табличке с телом этого человека было выгравировано "Черная черепаха".

Зенг сел на землю и взял напиток из винной тыквы на теле человека.

Примерно через полчаса этот человек проснулся, прикрыл заднюю часть шеи и издал болезненный стон.

Когда он увидел, что сидит в темноте и смотрит на свою собственную борьбу, он был ошеломлен.

Зенг сидел в тени в углу стены, но его глаза были светлыми и наполненными убийственным умыслом.

"Отведи меня к своему лидеру".

Зенг бросил металлический жетон, выгравированный с Черной Черепахой, "Иди сейчас же".

"Мы... мы из одного рода людей." Я здесь, чтобы защитить тебя."

сказал этот человек.

Чжан нетерпеливо махнул рукой. "Отведи меня к твоему лидеру".

Этот человек на мгновение засомневался, но в конце концов, он все равно скомпрометировался.

Он вел путь через один маленький переулок за другим, в конце концов, останавливаясь за дверью кажущегося обычным простолудином дома.

Человек повернулся к Анжу и сказал: "Подумай хорошенько, хотя мы с тобой оба работаем на короля, разделение труда разное.

"Как только ты попытаешься увидеть нас ясно, твоя позиция станет немного нестабильной."

Он толкнул дверь и вошел, не сказав ни слова.

Двор был невелик, но с помощью лунного света он обнаружил, что на самом деле там было посажено довольно много блюд.

Свет в комнате все еще горел, и несколько фигур все еще были видны.

"Конечно, я не могу скрыть это от тебя".

Когда Анжу услышал знакомый голос, он совсем не был счастлив.

Ужасная мысль снова пришла к нему, пронзив его сердце, как шило.

Чен Шаобай открыл дверь и вышел, неся в руке огурец. Он съел его со звуком "кача-кача": "Я сам его подбросил, хочешь?".

Его тон был подчеркнут, когда он произнес эти слова, и казалось, что он был наполнен злым интересом.

Он указал на огуречную вешалку недалеко, казалось бы, довольный своим достижением.

Он не хотел видеть остальных в комнате.

Видимо, люди в комнате не хотели, чтобы Чжэ знал его личность.

Чен Шаобай взял с собой огурец и вышел, выбрав два помидора со стороны.

Прежде чем выйти за дверь, он бросил голову огурца в мусорное ведро вдалеке.

Он натер помидоры о свою одежду и пожевал его, когда шел.

Они вдвоем вышли из переулочка один за другим, а затем вошли в лес в городе.

Чен Шаобай не мог не посмеяться. "Ты ничего не имел в виду, пригласив меня в лес ночью."

"К счастью, я тоже готов это сделать." Иначе, если ты заставишь меня, будет даже не весело, если ты не сможешь меня победить."

"Я хочу задать тебе серьезный вопрос."

Чен Шаобай нашел большое дерево с крестом и сел: "Да, некоторые из них, некоторые нет."

Чжэ не знал, что ответить на такой ответ.

Изначально он думал, что Чен Шаобай будет уклоняться от ответа и что процесс будет очень сложным, но Чен Шаобай четко знал, о чем хочет спросить, и дал прямой ответ.

Чен Шаобай выловил еще несколько вишней из рукава, и когда он ел, он сказал: "Я давно знал, что не могу скрыть это от тебя. Первым человеком в мире, который узнает правду, безусловно, будешь ты. Как насчет этого, хорошо ли я тебя знаю?"

Видишь ли, я знаю тебя так хорошо, а ты знаешь меня?

"Боюсь, ты ничего не знаешь, бессердечный человек."

"Столько людей умерло, а ты все еще в настроении шутить?"

Чен Шаобай пожал плечами: "Сколько людей умерло, это как-то связано со мной?"

Я не убивал первого человека, я не позволял никому убивать второго.

Так... в чем же причина твоего гнева на меня?

Чжан был ошеломлен, потому что он действительно не знал, как обращаться с Ченом Шаобаем.

Чен Шаобай внезапно улыбнулся. "Если бы я действительно убил его, ты бы убил меня?"

Анчжоу не ответил.

Улыбка Чэнь Шаобай стала еще ярче: "Ха-ха-ха... Ты действительно колебался, ты все еще лжешь себе, что не относился ко мне как к другу?"

"С твоей порочной личностью, ты на самом деле колеблешься."

"Я просто хотел узнать, как тебя убить."

Чен Шаобай свернулся губами, "Ну, вообще-то, ты не должен быть таким тяжелым, потому что все это не имеет к тебе никакого отношения, верно?"

"Ты просто человек, у которого слишком много дел." Ты устал?"

"Почему?"

Чен Шаобай спросил в ответ: "Ты правда не подумал об ответе?"

Анжу знал ответ, и ответ был ужасной мыслью в его сердце.

Чен Шаобай выплюнул вишневое ядро. "Что еще может сделать король, который не хочет становиться марионеткой, но тайно борется?"

На первый взгляд, он был послушен, как кошка, вдовствующему императрице, но в глубине души не мог перестать хотеть сначала сделать упражнение, а затем убить вдовствующую императрицу.

"На самом деле, это довольно жалко, но человек, который может выдержать до такой степени, также очень страшно".

Он съел последнюю вишню, а потом выплюнул ее, как пулю.

"Конечно, нет, если бы это был кто-то другой."

"Значит, он послал людей убить Чжугэ Яня, Хао Пинга и Санг Хай Сутру, чтобы подставить вдовствующую императрицу?"

Чтобы перейти на гору над головой, он был готов убить свою собственную руку?!

Что в этом хорошего?

"Эти люди до сих пор боятся вдовствующей императрицы, и все еще не осмеливаются помочь ему!"

Чэнь Шаобай: "Зоу, твоя личность слишком откровенна, поэтому ты не можешь понять этот тип тьмы."

Действия Му Чанъян ранят сердца тех, кто полагался на вдовствующую императрицу.

Они задавались вопросом, будет ли императрица милосердной, когда однажды она попыталась от меня избавиться.

Эти люди также подумают, что если я однажды сделаю очень маленькую вещь для короля, то все ли избавятся от меня?

Конечно, этот результат был не в том, что они были более преданы вдовствующему императрице, а в том, что они были более напуганы.

Что происходит, когда люди чрезвычайно боятся другого человека? ""

"Я хочу знать, кто убил Хао Пинга." Кто убил Санг Хай Сутру."

Чен Шаобай: "Никто не сделал ход".

"Что ты имеешь в виду?"

Чен Шаобай: "Я сказал, что никто никого не убивал... Повтори, никто никого не убивал."

Чжугэ Янь умер от приема лекарств. Это то, что они с Му Чанъянь обсуждали. Он был слишком стар и прожил всего несколько дней, поэтому умер, чтобы вызвать первую цепную реакцию.

"В тот день я вошел в дом Чжугэ Яня, но просто вошел и вышел, не сказав ни слова, и Чжугэ Янь знал, что он должен был сделать".

"Есть преданность, которую ты не можешь понять." Все это было воспитано Чжугэ Янем, и он сам устроил себе смертельную ловушку."

Не только свою, но он планировал, как люди будут умирать.

"Некоторые из стариков, которые почти бесполезны, заслуживают смерти."

Голос Чэнь Шаобай был несколько низким и глубоким, как будто он был в настроении соперника.

"Я не знаю, как умер Хао Пинг, и мне не интересно это выяснять." Однако, смерть Хао Ана должна была быть несчастным случаем. По крайней мере, у Му Чанъян не было намерений дать Хао мирно умереть. В конце концов, он был одним из его помощников.

"Верно, Хао Пин также с самого начала знал об этом вопросе, связанном со смертью".

"Потом Санхайская сутра."

Чен Шаобай сделал жест на груди: "Эта большая дыра выглядит очень страшно, да?"

Он сам ее проткнул... До сих пор я не могу понять, как тот старик, у которого не было сил даже поднять курицу, мог проткнуть кинжал и сделать полный круг своим сердцем.

Знаешь, самоубийцы не всегда предпочитают использовать нож. Это потому, что боль может привести к падению силы воли человека, и боль может заставить вас потерять свои силы.

"Так много людей не смогли покончить жизнь самоубийством с помощью ножа." Подумай, как беспощадна Санг Хай Сутра..."

Он спрыгнул с дерева. "Я не понимаю лоялистов больше, чем предателей".

"Это жестоко, не так ли?"